

А.Н. ГВОЗДЕВ

ОЧЕРКИ
ПО
СТИЛИСТИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧПЕДГИЗ · 1955

Александр Николаевич Гвоздев
Очерки по стилистике русского языка

Редактор **Н. М. Шанский**
Техн. редактор **Н. П. Цирульников**
Корректор **В. П. Гуркина**

Сдано в набор 16/V 1955 г. Подписано
к печати 12/XI 1955 г 84×108¹/₃₂ Печ л. 29
(23,78) Уч.-изд. л. 23,64 Тираж 100 тыс. экз.
А 06258 Заказ № 4396

Цена без переплёта 6 р. 40 к.
Переплёт 1 р. 50 к.

Учпедгиз, Москва, Чистые пруды, 6.
11-я тип. Росполиграфпрома, г. Горький,
ул. Фигнер, 32.

А. Н. ГВОЗ

ОЧЕРКИ
ПО СТИЛИСТИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА—1955

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание сохраняет в основном структуру и основные положения первого издания.

Исходя из практических устремлений пособия — дать анализ конкретного материала со стилистической точки зрения для преподавателей и студентов, — в нем освещаются некоторые явления, не затронутые или бегло характеризованные в первом издании, например, расширена характеристика стилей, рассмотрена синонимика видовых форм, внесены добавления и расширен иллюстративный материал по ряду рассматриваемых тем.

При подготовке к переизданию были приняты во внимание и учтены многие критические замечания, сделанные как в специальных рецензиях на книгу, так и в ряде статей по вопросам стилистики. В то же время не все критические замечания оказалось возможным использовать: иногда в них предъявлялись такие требования, которые легче поставить, чем выполнить при настоящем положении в разработке стилистических проблем; некоторые пожелания не отличаются достаточной определенностью, а некоторые заявления носят следы полемических увлечений.

Дискуссия, проходившая по вопросам стилистики на страницах журнала «Вопросы языкознания», почти целиком была посвящена общему вопросу о стилях речей и мало коснулась конкретных вопросов относительно стилистических ресурсов русского языка. В статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики» акад. В. В. Виноградов так оценивает результаты дискуссии: «Дискуссия по вопросам стилистики дала меньше обобщений и выводов, меньше достоверных результатов и доказанных положений, чем предложений и вопросов» («Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 87).

ВВЕДЕНИЕ

О ВАЖНОСТИ ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА И ЕГО НОРМАХ

§ 1. Язык выполняет первостепенно важные и исключительно многообразные общественные функции:

«...Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»¹.

«...Без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестаёт существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»².

В связи с таким значением языка совершенно очевидно, что необходимо бережно и заботливо относиться к этому могущественному и тонкому орудию нашего общения и нашего мышления. Указания на необходимость охранять правильность и чистоту нашего языка мы находим в трудах и высказываниях В. И. Ленина и И. В. Сталина. Общеизвестно высказывание В. И. Ленина об очистке русского языка от употребления без надобности иностранных слов, в котором он страстно призывает: «Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»³.

¹ И Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 274.

Из многочисленных заявлений по этому вопросу писателей-классиков ограничимся словами А. М. Горького, борьба которого против засорения и искажения языка проходила через всю его литературную деятельность. В заключение своей статьи «О языке» он заявляет: «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней»¹.

§ 2. Прежде всего и возникает вопрос, что же считать в языке правильным и, наоборот, ошибочным, на что можно опереться, устанавливая предпочтение одних явлений перед другими, иначе говоря, к чему сводятся критерии при определении норм языка?

Вопрос о критериях языковых норм заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Во-первых, следует рассмотреть, нельзя ли в самом языковом материале найти основания для определения того, что является правильным в языке.

1. Так, можно поставить вопрос об эстетическом подходе к явлениям речи — ведь нередко нам непосредственно представляется, что языковые отступления безобразят речь, они, как обычно выражаются, «режут ухо». Например, иногда указывалось, что требованием благозвучия вызвано появление *н* в таких формах местоимения *он*, как: *у него, от них, с ней* и т. д. В самом деле, фраза *Я был у его вчера вечером* нам «режет ухо». Но зависит ли это от неблагозвучия сочетания *у его*? Против этого говорит то, что такое же сочетание во фразе *Я был у его брата* совсем не представляется нам неблагозвучным. А история русского языка свидетельствует, что и в этих случаях возникло на основе процессов, не связанных с благозвучием.

Очень резкой особенностью, режущей ухо, представляется произношение *цай* вместо *чай*, *цасто* вместо *часто* и т. д. Но можно ли отсюда сделать вывод, что звук *ч* является более благозвучным, чем *ц*? Против этого говорит то, что произношение *курича* вместо *курица*, *лицо* вместо *лицо* покажется не только не благозвучней, а таким же неприятным, как и *цасто* вместо *часто*. Значит, дело не в большем благозвучии одного из этих звуков. Вообще делавшиеся иногда литераторами попытки эстетически

¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 663.

оценивать явления языка были неубедительны и обычно были проникнуты субъективизмом.

2. Нарушениями могли бы представляться исключения и отступления от широко распространенных в языке законов и правил, а правильным — все, соответствующее этим общим правилам. Так был поставлен вопрос еще в античной древности в споре о том, допустимы ли в языке «аномалии», нарушающие широкие закономерности языка. Тогда же было установлено, что язык не подчинен целиком последовательно охватывающим известный круг явлений закономерностям, что наряду с правилами есть исключения, которые не оказываются нарушениями норм языка. Есть они и в русском языке, например, рядом с окончанием творительного падежа множественного числа существительных *ами* (*ями*), охватывающим все типы склонений, в нескольких словах имеется окончание *ми* (*детьми, людьми, лошадьми*); при обычном окончании 1-го лица единственного числа *у* (*ю*) два глагола *дам* и *ем* (с производными от них) сохраняют окончание *м*. По закону падения глухих старые формы *дѣска* и *стѣкло* должны бы потерять слабые глухие *ѣ* и *ь* и дать «*дска*» (откуда диалектное *цка*) и «*сткло*» (сравни у Пушкина: «*Как стекло булат его блестит*»), но дали формы *доска* и *стекло*, нарушающие закон падения глухих.

3. Наконец, ввиду того, что в языке большую роль играет традиция, что часто в защиту правильности ссылаются на освященный давностью обычай, можно поставить вопрос, не является ли правильным в языке то, что имеет исторический приоритет, не получают ли санкцию законности явления, сформировавшиеся раньше? Но и это не соответствует фактам. Так, из двух форм родительного падежа множественного числа существительных мужского рода — с окончанием *ов* и без окончания — более древней является вторая, но она сохранилась у небольшого числа существительных (*сапог, чулок, солдат*), у большинства же вытеснена первой формой: *пудов*, а не *пуд*, *зубов*, а не *зуб*, *столов*, а не *стол*. Так же в именительном падеже множественного числа из двух окончаний *ы* и *а* более древним является первое, но принятым является не *домы, учителя*, а *дома, учителя*.

Таким образом, понятие правильности в языке не может быть выведено из фактов языка, рассматриваемых изолированно, без учета речевой практики того народа,

который использует известный язык в качестве орудия общения. Языковые нормы определяются социальным фактором: правильно, допустимо, желательно в языке все, что способствует удобному, простому, точному общению всех, пользующихся языком; неправильно, недопустимо все, что затрудняет это общение.

В связи с этим основными признаками языковых норм служат:

Единство, единообразие, отсутствие разнобоя, общепринятость языковых явлений. Это целиком вытекает из общего назначения языка — служить орудием общения и коренится в том, что язык является общенародным. А обслуживать всех членов общества могут те явления языка, которые имеют общее распространение, одинаково присущи всем. Литературный язык, обслуживающий многомиллионные массы и удовлетворяющий наиболее сложные и разнообразные потребности общения, в особой мере нуждается в единстве, примером чего может служить единство его письменной формы — орфографии.

Устойчивость, сохранность, неизменяемость в течение длительного исторического срока. Это также вытекает из основных свойств языка, его специфики: «Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда»¹ и связано с тем, что потребности общения не способствуют замене одних, общепринятых элементов языка другими, непонятными. «Кому это нужно, — пишет И. В. Сталин, — чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землёй, горой и т. д., а как-то иначе?»².

Литературный язык с богатым культурным наследством, с обширной научной и художественной литературой еще более усиливает тенденции к устойчивости и стабильности. Особенно это сказывается в письменной (печатной) речи, которая адресуется к широким кругам читателей.

В то же время стабильность литературного языка не обозначает его полной неизменности, окостенелости суще-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 26.

² Там же, стр. 10.

ствующих в нем элементов. Наоборот, в нем, хотя и медленно, наблюдается развитие, замена отжившего, старого новым. Этот процесс развития литературного языка называется на принятых в нем нормах в том отношении, что наряду с принятым старым начинает употребляться заменяющее его новое; так, вместо единственно допустимого употребления того или другого языкового явления возникают варианты этого явления. Например, до недавнего времени нормой было произношение твердых *з, к, х* в именительном падеже таких прилагательных, как *сладкий, долгий, ветхий*, теперь в них распространяется мягкое произношение заднеязычных; оба эти варианта допустимы. Или рядом с более старой формой именительного падежа множественного числа *волосы, тракторы* распространяются формы *волоса, трактора*. Наряду со старым управлением группы числительного и существительного в зависимости от предлога *по* со значением распределения *по пяти книг, по десяти человек* все шире употребляется новое: *по пять книг, по десять человек*. Но такие варианты являются сравнительно редкими на фоне единства употребления подавляющего большинства языковых явлений литературного языка.

Это связано с тем, что для формирования языковых норм огромное значение имеет то, что язык представляет систему, в которой однородные явления охватываются последовательно единым правилом, например, существительные па *а* (*я*) имеют в вин. падеже окончание *у* (*ю*), или прилагательные, относящиеся к существительному мужского рода, получают окончание *ой* (под ударением), к существительному женского рода — *ая*, к существительному среднего рода — *ое*. В связи с этим особое значение приобретают продуктивные образования: они определяют норму не только давно существующих явлений языка, но и вновь входящих в язык. Например, не существует никаких колебаний в определении нормы падежных окончаний у таких заимствованных существительных, аббревиатур, новообразований, как *комбайн, вуз, колхозник*, которые получают в родительном *а: комбайна, вуза, колхозника*, в дательном *у: комбайну, вузу, колхознику* и т. д.

Колебания в принятых грамматических и лексических нормах и возникновение нормативных вариантов сосредоточивается в области отживающих пережиточных явлений, которые вытесняются новыми языковыми фактами.

Системный характер языковых явлений также представляет характерную черту языковых норм.

Нарушения норм литературного языка имеют разные источники; они заключаются в употреблении принятых лишь в отдельных местностях диалектных явлений, в недостаточном владении языком, в особенностях употребления русского языка у представителей других национальностей.

Литературный язык имеет наиболее отработанные языковые нормы, соблюдение которых служит важным условием общения, а их нарушение создает для общения разного рода препятствия.

Отступления от принятого в литературном языке употребления в одних случаях могут вызвать полное непонимание например, когда встречается узко местное слово: *подбай рушник* (полотенце); *он растелешился* (разделся, обнажился), в других — к неверному пониманию: *ехать благо* (неудобно, плохо), *тарелка простая* (пустая, незапятанная); а также к отвлечению от содержания речи к ее внешнему выражению; так, разные искажения в произношении и в формах слов нарушают нормальный обмен мыслями, вызывая у слушателей удивление или насмешки: *Она не могёт* (вм. не может) *прийти, опеть нет* (вм. опять).

СТИЛИСТИКА И ЕЕ ЗАДАЧИ

§ 3. В связи с вопросом о соблюдении языковых норм литературного языка и о мастерстве использования языковых средств, при изучении русского языка выделяются близко соприкасающиеся между собой, с одной стороны, нормативная грамматика, а также нормативная лексикология и орфоэпия, и, с другой стороны — стилистика.

Задачей нормативной грамматики является установление норм литературного языка в области грамматического строя, выяснение того, что в нем допустимо и что, наоборот, находится за его пределами и нарушает общепринятое в языке; она делает предупреждения о таких грубых ошибках, которые обязательно должны быть исправлены.

Соответственно указания относительно допустимости и недопустимости в употреблении слов и их знаний даются в нормативной лексикологии, которая

практически осуществляется в виде толковых словарей нормативного типа, как «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова и «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым. В «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова нередко даются нормативные рекомендации и относительно форм слов. Нормы произношения излагаются в пособиях по орфоэпии, а также в указанных словарях.

Стилистика рассматривает целесообразность использования имеющихся в языке, соответствующих его нормам средств для тех задач, которые стоят перед участниками общения. Она ставит целью способствовать осознанию того, как лучше использовать возможности, представляемые языком. Она рассматривает языковые явления со стороны их значения и экспрессии, оценивая, насколько они пригодны для того, чтобы точнее, яснее и ярче выразить известную мысль. Стилистика имеет прикладной характер, обучая языковому мастерству, вырабатывая сознательное отношение к языку. По преимуществу она анализирует разнообразные тонкие оттенки значения с точки зрения их использования, помогает решать вопросы выбора близких по значению языковых приемов, не вполне равнозначных, а отличающихся теми или другими оттенками, иногда очень тонкими и трудно уловимыми. Такой выбор в значительной мере является делом мастерства.

По отношению к художественному творчеству задачи такого выбора в самом общем виде сформулированы Л. Н. Толстым, указавшим, что искусство писателя выражается в том, чтобы находить «единственно нужное размещение единственно нужных слов». Им же приводится изречение Брюллова относительно работы над тончайшими оттенками: «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть». Анализ этого «чуть-чуть», т. е. разнообразных незначительных сдвигов в выразительных средствах, и составляет предмет стилистики; она выясняет особенности в значении и экспрессии различных синонимических языковых приемов.

Отличие стилистики от нормативной грамматики и лексикологии и орфоэпии можно иллюстрировать такими примерами из стихотворений Пушкина.

В фразе из «Пророка» *И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой* архаическая

форма родительного падежа *мудрыя* нарушает нормы современного русского языка и ни в каких случаях не может быть употреблена¹. Это отступление в данной форме от норм современного языка и отмечается нормативной грамматикой; недопустимость этой формы делает ненужным ее рассмотрение в стилистике.

Когда же мы знакомимся с черновыми вариантами стихотворения «Поэту», то видим, как Пушкин, прежде чем прийти к окончательной редакции строки *Ты им доволен ли, взыскательный художник*, долго искал соответствующий содержанию всего стихотворения эпитет и сменил несколько прилагательных в такой последовательности: *божественный* — *увенчанный* — *разборчивый* — *взыскательный*. Хотя все они вполне допустимы по нормам языка и даже уместны в данном случае, но не трудно заметить, каким исключительно ярким и выразительным — единственно нужным — является последний (*взыскательный*), — в этом сказалось стилистическое мастерство Пушкина. И стилистика может воспользоваться для анализа оттенков этих прилагательных их подбором у Пушкина.

Таким образом, стилистика анализирует средства языка со стороны их значения и экспрессии, она производит их оценку с точки зрения их большей или меньшей пригодности для выражаемого содержания. Оценочное отношение к явлениям языка составляет отличительную особенность стилистики; одной из основных ее задач является содействие при выборе из ряда синонимических средств того, которое для стоящих перед автором целей является наиболее подходящим, — самым ясным, точным.

Важность разработки вопросов стилистики, рассматривающей явления языка со стороны их значения и экспрессии, вытекает из той исключительной роли, какую они играют в явлениях языка. При этом для стилистики первостепенную важность имеет указание И. В. Сталина о связи мышления с языком, о невозможности возникновения мыслей без языкового материала, в оголенном виде: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе

¹ В пушкинскую эпоху такие формы употреблялись в высоком стиле.

языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует»¹.

Стилистика и производит анализ значения и экспрессивных качеств явлений языка, представляющих собой языковой материал: слов и их форм, предложений, их типов, их членов. Все эти элементы языка имеют внешнее, фонетическое выражение, которое обеспечивает возможность их использования в целях общения.

Связь стилистики с дисциплинами, описывающими языковые нормы (нормативная грамматика и лексикология, орфоэпия), объясняется тем, что всякое использование языка обязательно ориентируется на общепринятые нормы. И по существу для стилиста требуется совершенное знание средств литературного языка. Если бы с полной точностью были осознаны (и описаны) значения, экспрессивная окраска, круг употребления слов и грамматических конструкций, то были бы созданы условия для их сознательного использования при разрешении всевозможных конкретных задач, возникающих у говорящих и пишущих, помочь чему стремится стилистика.

Этим и объясняется, что нормативные грамматики по давней традиции ставили своей целью учить читать, писать и говорить. А Ломоносов писал о значении грамматики: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики»².

Признание этой связи сказывается в том, что имеющие нормативную установку толковые словари («Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова, словарь С. И. Ожегова) дают разветвленную систему стилистических помет. А в предисловии к академической «Грамматике русского языка», представляющей «пособие нормативного типа», заявляется: «Сознательное отношение к грамматическому строю языка, к основным его законам и отдельным частным правилам способствует более правильному пользованию родной, усвоенной с детских лет речью, более точному выражению мыслей и лучшему пониманию

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 39.

² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, 1952, стр. 392.

всего слышимого и читаемого»¹. И там же после краткого определения задач стилистики делается заявление: «Элементы стилистики учитываются и в настоящей грамматике»².

Если пособия по лексике и грамматике нормативного типа нередко дают стилистическую характеристику явлений языка, то тем более стилистика во многих случаях опирается на данные нормативных пособий, при этом сосредоточивая свое внимание не на грамматической структуре языковых явлений, а на их значениях, их экспрессивных особенностях, объеме их употребления (см § 23).

К тому же стилистическая характеристика того или иного морфологического явления или синтаксической конструкции предполагает четкое представление об этом грамматическом явлении. Популярный характер настоящих очерков особенно требовал разъяснения тех грамматических понятий, которые подвергаются рассмотрению со стилистической точки зрения. Настойчивый синтаксический анализ совершенно необходим при проверке построения сложных синтаксических целых; различные ошибки в них остаются незамеченными даже в печати, они и могут быть вскрыты и наглядно показаны посредством синтаксического разбора, выясняющего связи между словами такого предложения.

Как могут «укрываться» отдельные нарушения грамматических норм и как даже у больших мастеров, несмотря на обостренное языковое чутье, они могут остаться незамеченными, показывают такие примеры из книги акад. Ферсмана «Рассказы о самоцветах», вообще служащей образцом высокой стилистической культуры:

1. «По берегам притоков величайших сибирских рек Енисея и Лены — Верхней и Средней Тунгуски, Витиму, Вилюю, также по Хатанге и полярным рекам мелкая халцедоновая галька рассеяна в таком изобилии, что путешественник может в течение часа набрать мешок красивейших сердоликов, синих, желтых, бурых халцедонов».

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., 1952, стр. 3.

² Там же, стр. 15. Разбор освещения вопросов стилистики в «Грамматике русского языка» дан в рецензии Э. И. Корогаевой, помещенной в журнале «Вопросы языкознания», 1953, № 1, стр. 109—120.

2. «В молодых горных странах, как, например, Кавказ, Альпы, Пиренеи, мрамор слагает иногда целые горные хребты. Таковы месторождения наших кавказских мраморов; таковы сверкающие белизной мраморные залежи Каррары, в Пеннинских Альпах. Они производят исключительное впечатление по грандиозности белоснежных массивов, покрытых обломками скал, и грандиозных осыпей».

Синтаксический разбор, устанавливающий подчиненность одних слов другим, вскрывает, что в первом предложении однородные члены «Верхней и Средней Тунгуски, Витима, Вилюя» согласованы со словом «притоков» и должны быть употреблены в родительном падеже. Во втором предложении сочетание «грандиозных осыпей», соединенное союзом *и* с «белоснежных массивов», может зависеть только от слов «по грандиозности», что и делает ясным нежелательность такого сочетания: «по грандиозности грандиозных осыпей». Помогая осознать явления языка, грамматика совместно со стилистикой, способствует развитию языкового мастерства.

ОТНОШЕНИЕ СТИЛИСТИКИ К ОБЩЕНАРОДНОМУ ЯЗЫКУ

§ 4. Характеризуя задачи стилистики, необходимо остановиться на ее отношении к общенародному (литературному) языку.

Как уже указывалось, для того чтобы общение при посредстве языка проходило без осложнений, необходимым условием является то, чтобы лица, вступающие в общение, пользовались общим языком и одинаково употребляли его средства: очевидно, что употребление участниками общения языковых средств с разным значением поведет к полному непониманию или к разным затруднениям в понимании. Вследствие этого для стилистики приобретает особую важность установление тех значений и тех экспрессивных оттенков, которые являются общепринятыми, иначе говоря, принадлежат общенародному языку.

Общая система литературного языка, создающаяся на основе всей совокупности непрерывного практического использования родного языка со всеми его нормами в области грамматики, лексики, произношения, создает